

Дориана

ОБЫЧНЫЕ
ДЕТНИЕ
ЗВУКИ

16+

До Обычные летние звуки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=61777746

SelfPub; 2020

Аннотация

В первый день своего тридцатилетия удачливая красавица Белла открывает дверь незваному гостю, безобидному слепому дурачку. С этого момента ее жизнь больше не будет прежней.

До

Обычные летние звуки

Первый раз Белла насторожилась, когда сквозь плеск воды и грохот посуды, оставшейся после вчерашней готовки, послышался глухой стук со стороны шкафа. Судя по звуку, что-то ударилось о внешнюю стенку дома и ударилось осознанно, потому что яблоко, сброшенное тяжёлыми ветками, не может прыгать по дому как теннисный мяч. Глубокая чашка с засохшим шоколадным кремом опустилась обратно в горячую пену. Пока Белла вытирала руки, стук повторился. На этот раз звонкий и дребезжащий – кто-то постучал в окно. Оно прямо над мойкой, но женщина не успела повернуть голову от места первых ударов, а тот, кто стучал, успел исчезнуть из оконного проёма. Кончики волос Беллы опустились в пенную воду, когда она наклонилась над мойкой, чтобы посмотреть: не сидит ли кто-нибудь под окном. Скамейка из пня спиленной в прошлом году яблони пустовала. Женщина отстранилась от стекла, не оставив после себя мутного пятнышка дыхания. Неприятная тревога, которая заставляет хмурить брови и задерживать выдох ворвалась в летнее солнечное утро, в первый день её тридцатилетия.

Белла открыла ставню, осторожно выглянула, посмотрела по сторонам. Никого. Могло и показаться, но так спокойнее. На всякий случай женщина нащупала под водой нож,

который вчера пару раз уронили, пока донесли до торта, и, прежде чем положить рядом, три раза постучала им по краю деревянного стола. На всякий случай. Постепенно возвращалось неспешное тихое утро, которое особенно радует своей будничностью после прошедшего долгожданного праздника. Белла повернула кран и достала чашку. Остатки крема смылись мощной струей, а когда она домоет всю посуду, смоется и тревога. Об дом могло стучать яблоко (два подряд), а в окно ударился жук. И не надо ничего придумывать: обычные летние звуки. Будь она дома не одна, то и не заметила бы.

Вчера былолюдно и шумно. Белла даже беспокоилась за соседей, но свет у немолодой странноватой вдовы слева горел до самой глубокой ночи, которая летом граничит с рассветом. «Надо будет зайти, извиниться» – подумала именинница о завтрашнем дне, и как только он начался, тут же забыла об этом.

Сад ещё усеян пустыми бутылками и всяким мусором. Вчера мало на что обращали внимание, а сегодня перед вчерашней красоткой в красном платье (сколько же усилий она приложила, чтобы оно обтягивало, а не перетягивало) открылся вид на захламлённый газон и гору посуды. Белла никогда не жаловалась на статус сытой домохозяйки из пригорода, но сейчас она бы не отказалась проехать до города на свежую голову, какую носит на плечах её непьющий муж.

Женщина опустила руки под струю холодной воды и посмотрела на белеющий через усыпанные яблони дом сосед-

ки. К удручающему списку дел прибавилось ещё одно – извиниться за шум. Можно даже принести пару кусочков торта её больному сыну. Болезнь, которую её не слишком тактичный муж, окрестил идиотизмом.

«Угощу» – решила Белла и почему-то подумала, что этим извинится и за их с Максом разговоры.

Вокруг снова грохот, плеск и шипение пены. Поэтому когда у самой двери, как раз там, где висит ключница, раздался тройной требовательный стук, женщина охнула и вцепилась скользкими пальцами в недомытую чашку. Вода в кра- не тут же смолкла, и стук, будто скрывающийся за её шумом, тоже. Белла поняла – стучат не по двери, а стене, значит, и стучат не рукой. Ещё нет полудня, а кто-то разгуливает по чужой территории и лупит чем-то тяжёлым по стенам дома.

Белла не могла понять, насколько она напугана. С одной стороны дом – крепость, а с другой – его явная осада. Вытянув нож из-под воды, женщина отступила от мойки широким бесшумным шагом. В ближайшем к двери проёме мелькнуло чьё-то движение.

Белла успела рассмотреть мужской силуэт и в первую секунду приняла его за Максима. Она испытала облегчение и неприятное дежавю. Когда-то она боялась вот так же заметить в окне неожиданно вернувшегося мужа. Но теперь всё в прошлом.

Женщина наспех вытерла о фартук мокрый нож и оста-

вила его на подлокотнике кресла. В тот момент, когда она с улыбкой распахнула входную дверь, сзади раздался грохот.

– Не зря нож упал – тебя накликал! – последнее слово потухло в неуверенной интонации. Мужа за дверью не оказалось, вместо него уцепившись за белую колонну крыльца грязной рукой, стоял молодой парень. В тёмных широких очках, которые упирались переливающимся дешёвым пластиком в поднятые от улыбки щеки. Белла никогда не видела вблизи сына соседки, но сомнений быть не могло. Несмотря на погоду, парнишка был в дутой, болотного цвета куртке и не переставал улыбаться.

Слепой и придурковатый.

– Я могу тебе чем-то помочь?

«Хотя природу мне всё равно не переплюнуть», – подумала Белла и тут же устыдилась. И тут же вспомнила про торт, которым хотела загладить вину и за вчерашнюю вечеринку, и за слова мужа, и за свои мысли.

– Здрааавствуйте! – парень отцепился от колонны и сделал шаг навстречу, – с днём рождения, красотка!

Белла попыталась улыбнуться. Непонятно кому и для чего – искренней радости от поздравления соседа она не испытывала, тем более он бы всё равно не увидел её натужной улыбки.

– Спасибо... Кирилл... – она постаралась, чтобы это не прозвучало как вопрос, она хотела показать, что знает своих соседей, она хотела поскорее извиниться за вчераш-

ний шум куском подсыхающего пирога и закончить эту беседу.

– Костя! – дутая куртка зашуршала, подчёркивая нелепый поклон. Белла, не отрываясь, смотрела на широкую улыбку, будто расплывшуюся только для того, чтобы держать очки, – пью, красотка, за твою фигуру! Ты потрясающе выглядишь в красном.

Женщина в домашней серой футболке и жёлтом фартуке посмотрела в сторону дома вдовы. Через густую, буйную зелень соседского сада белел только конёк крыши. Даже если предположить, что парень видит хоть что-то, ему бы пришлось находиться чуть ли не в их саду, чтобы рассмотреть платье именно на ней.

– Спасибо, – в этот раз Белла даже не попыталась улыбнуться, – постой здесь.

Хозяйка вернулась в дом и поспешила на кухню. Замерла над подносом с недоеденным тортом. Кремовые завитки смазались, половина лепестков шоколадной розы превратилась в бесформенную кучу с серебристой сладкой бусинкой в середине. Белла повертелась в поисках ножа, чтобы вырезать кусок поаккуратнее. Но потом решила, что это ни к чему – от мысли, что дурачок прятался у самой изгороди и наблюдал за ними, ей стало брезгливо, как и от вида коричневой круглой кучи на торте.

– Всё равно не разглядит и, скорее всего, не донесёт, – сказала Белла своей большой светлой кухне и отправилась

с подносом к дверям.

Оказавшись в гостиной, женщина притормозила и сбавила шаг. Она бесшумно проскользнула по полу и вышла на крыльцо. Сосед, как большая бестолковая обезьянка, снова висел на вытянутой руке, обхватив колонну. Очки были направлены в сторону дверного проёма, в котором, стараясь не дышать, стояла Белла.

«Он меня не видит», – подумала она, чувствуя, как от напряжённых мышц постепенно тяжелеет поднос. Женщина осторожно присела на скамейку и поставила торт на колени. Парень продолжал молча «смотреть» в прежнюю точку.

«Жопой, что ли ты меня увидел в красном!»

Неожиданно справа с шорохом и глухим стуком приземлилось яблоко. Костя вздрогнул и обернулся на звук.

– Это всего лишь яблоко, – Белла продолжала неотрывно смотреть на соседа, который снова вздрогнул и теперь уже обернулся в её сторону. Улыбка, подпирающая очки, спала, вместо неё затемнел овал рта, через который парень шумно и быстро задышал.

– Эй... с тобой всё в порядке?

Белла со смесью отвращения и пробивающегося ужаса наблюдала, как сосед, прижавшись к колонне, часто и громко стонет. Он вывалил язык на нижнюю губу, добавляя своим стонам похотливой придурковатости. Когда он начал вскрикивать, подражая подслушанному где-то бурному оргазму, женщина не выдержала:

– Послушай-ка, иди отсюда! И не вздумай больше приходиться! – она чуть было не сказала «дебил», но вовремя осеклась – в такие спорные моменты с такими спорными людьми лучше не позволять себе лишнего. Не скрывая отвращения (всё равно не увидит!), Белла схватилась кончиками пальцев за дутий рукав и потянула, отрывая гостя от своего дома.

– У тебя прекрасный дом и прекрасный муж! Я горжусь тобой, доченька! За тебя! – даже в его высоком, неуправляемом по громкости голосе сохранились тёплые, разморенные праздником, интонации матери Беллы. Всё ясно – парень не видел её в красном платье – он слышал о нём. Как и о доме с прекрасным мужем.

Белла отпустила рукав соседа и замерла в нерешительности. Обернулась на торт и подумала, что совершенно не представляет, за что же ей нужно извиняться.

– Костя, – она помолчала, подбирая слова, которые пролезут за барьер его логики и не вернутся покусанные и бессильные, – не вся территория за твоим домом... может быть доступна тебе для прогулок, – Белла снова взялась за рукав и потянула: пойдём, я провожу тебя до твоей калитки.

Парень не возражал. Он отцепился от колонны, вернул улыбку под очки и сделал пару шагов за соседкой.

Их остановило яблоко.

С шорохом пробираясь сквозь листья, с глухим двойным стуком на землю упала точка невозврата.

– Это всего лишь яблоко, – сказал дебил, идущий под кон-

воем, – продолжай, не останавливайся! Макс ещё не скоро...

И тут он снова застонал. Неожиданно сад замолчал, прислушиваясь к незваному гостю. Может, стих ветер, а, может, внимание женщины вывернуло на полную мощность каждый произносимый соседом звук. Он стонал, кричал и был счастлив, как когда-то дышавшая обманом и тайной Белла. И теперь эта визгливая пародия на её жизнь разлеталась над замолкшим садом, соседскими домами, долетала до карьера, падала в реку. Белла не двигалась с места, не пыталась заткнуть парня – она чувствовала, знала, как скоро он хрипловато выдохнет и замолчит. *Упадёт на горячее, влажное плечо Сергея, ощущая, как успокаивается ускоренное сексом и страхом сердце.*

Дурак, действительно, замолчал, будто повинуюсь воспоминанию Беллы, в котором стук яблока переходил в стук испуганного сердца и умножал до боли в груди это бесконечное падение.

«Нож на подлокотнике кресла». Эта мысль промелькнула как безотчетное, но сильное желание защищаться. «Что дальше? Я уже думаю о ноже... Этот урод должен свалить. Свалить с гарантией, что будет молчать и больше не сунется сюда».

Но, судя по выражению лица уroda, он не мог дать гарантии даже на то, что не промахнется задницей мимо толчка. Просить его о молчании – всё равно, что просить младенца не кричать по ночам. В любом случае разбудит...

– Ты умный парень, Костя! А умные парни так себя не ведут, они не кричат, не прячутся в чужих садах. Они не меш..., – тут Белла осеклась, будто находилась в прямом эфире и испугалась, что неверно понятая фраза может стоить ей репутации перед многотысячной аудиторией. С нарастающим ужасом она увидела, как эта мнимая, безликая толпа обретает знакомые черты: влюбленный взгляд мужа сменится презрением, спокойная улыбка матери потухнет на поджатых губах, отчужденность и непонимание будут читаться в лицах настоящих друзей, злорадство и победа – в лицах массовки. И всё из-за того, что закричал младенец. Неугомонный, переросший ущербный разум таким же ущербным телом.

– Я обещала проводить тебя домой, дружок.

Белла осторожно приобняла соседа за плечи и медленно развернула вправо. Затем сделала с ним полный круг:

– Как же ты умудрился здесь пройти, бедняга? Я вчера уронила шампанское – здесь столько стекла, – женщина, не отпуская парня, бесшумно переступила по чистым плиткам, – сейчас я уведу тебя отсюда.

Она снова развернула гостя немного вправо и, позволив ему сделать пару шагов за собой, остановила, резко дернув влево:

– Осторожно! Подними ногу повыше и перешагни – здесь самый крупный осколок.

«Он потерял ориентацию», – поняла Белла, наблюдая,

как сосед собирается идти в противоположную от калитки сторону. Тропинка за их райским садом не заканчивалась, а так же уверенно и ровно огибала дом и вела к отвесному обрыву, откуда открывался живописный вид на реку.

– Пойдем, Костя! – женщина взяла паренька за влажную, мягкую ладонь и дала себе одну секунду, чтобы понять. *Она держит руку живого тёплого человека. Именно тёплого, прогретого полуденным жаром, дышащего, вспотевшего. Доверчивого.* С огромной дырой в недоразвитой башке, которая способна засосать всю привычную налаженную жизнь его соседки.

«Но ведь эта дыра может погубить и его самого. Он же всю жизнь ходит, как по краю пропасти. Он же идиот!»

Первые шаги Беллы в выбранном направлении были уверенными. Она свернула за дом, будто ведя за собой послушного теленка. Здесь начиналась её территория – излюбленное место беспечной и удачливой. И трон в окружении луговых цветов – садовые качели, на которых она иногда забывала кофейную чашку.

От качелей до обрыва оставалось не больше десяти метров. Неожиданно дурак остановился, превратившись в неподъёмную ношу и заявил:

– Через пятнадцать шагов калитка. Моя. Я считал и знаю. Я дойду.

Белла отпустила горячую, мокрую ладонь – её руки тоже вспотели.

С удивлением и отвращением она заметила, как сосед вытер о штанину руку. «Ты что ещё и брезгуешь?!» Белла тоже вытерла руки о фартук (выкинет в стирку, как только вернётся домой) и осмотрелась. Травы, залитые солнцем, выцвели, единственная тропинка между ними, посреди которой стоял сосед, заворачивала к качелям и замирала небольшим вытоптанном пятчком. Место казалось незнакомым; Белла никогда не замечала, что тропинка не идет к обрыву, и что у самого его края высокая, жёсткая трава.

«Он поймет, что это не те пятнадцать шагов, и что я смогу придумать?!»

– Костя, я несу торт тебе и твоей маме. Я хочу извиниться за вчерашний шум. Так что придётся тебе меня потерпеть, – она вновь взяла его скользкую руку. Провела воздушным мизинчиком по широкой ладони.

– Ты же хороший мальчик?

– Хороший!! – дурак как-то странно дернулся всем телом, и эта судорога зашуршала его тяжёлой зимней курткой. Беллу она больше не раздражала.

Они уже дошли до качелей, когда женщина скользнула рукой к запястью парня, и как только они ступили на траву, усилила хватку и ускорила шаг. Дурак, наверное, дойдя до «14», вытянул перед собой свободную руку, собираясь толкнуть калитку.

Белла толкнула первая.

Ей показалось, что парень не упадет. Он замахал рука-

ми и ухватился за высокий стебель растущего на краю цикория. Белла, не раздумывая, упала на колени и выдрала ветку с корнем. Комья земли взметнулись вслед за шлёпанцами соседа. До хлёткого удара о воду не было ни одного звука – дурак не закричал. Может, он решил, что научился летать. Женщина всё ещё сидела на коленях у края обрыва, прислушиваясь к происходящему внизу. Казалось, тонул не человек, а животное. Дурак будто не понимал, что ему нужна помощь. Он досадливо стонал и рычал, как если бы у него просто сменилась обстановка – с более комфортной на менее. Главное, что теперь этого можно не бояться Белле. Она посмотрела вниз: вода выплёвывала на поверхность то макушку, то лицо (очки с него слетели), то широкие ладони с растопыренными пальцами. Когда всё смолкло, женщина с трудом поднялась, окружённая тёмными пятнами, которые плясали перед глазами, ещё более густые и чёрные от солнечного света. Над левым ухом пропищал комар, и она вздрогнула. Сделала резкий шаг назад, постепенно возвращаясь из пульсирующей черноты на берег. Сначала уцепилась взглядом за колышущуюся траву, потом смогла осмотреться. Пространство не угрожало нечаянными свидетелями – это место привыкло к безлюдности, но его отчужденность окончательно отрезвила Беллу. Она поняла, что этот день, первый день тридцатилетия, испачкал её неотвратимостью. Теперь вся она покрыта несмываемым потом, который сочился с горячих ладоней соседа.

Налетел ветер. Загремел ложкой в оставленной чашке. Белла медленно подошла к качелям: вряд ли с них теперь будет видно облака и цветы. И кофейных медитаций здесь больше не будет. Женщина взяла с сиденья чашку и побрела домой по тропинке, которой суждено было скоро зарости. Когда Белла оказалась в саду, первые крупные капли застучали по небуранным пластмассовым столикам. Уборка казалась ей такой же бесконечной, как и этот ужасный день.

Она начала убираться, когда ливень уже вошел в полную силу. Стена воды размывала пространство, и пару раз Белле показалось, что в саду кто-то есть. Она беспомощно оборачивалась на этот мелькнувший мираж и вглядывалась в плотную серость, на дне которой всё ещё не кончался мусор. В первый раз тень, помаячив на периферии зрения не больше секунды, скрылась за домом, за тем его углом, откуда только что вернулась Белла.

– Ммммакс...? – в последний момент она испугалась позвать в полный голос, поэтому неуверенный шёпот потух в шуме дождя. Женщина выпрямилась, оставила большой чёрный пакет на земле и, скользя по мокрым плиткам, подбежала к дому. Кто бы там ни был, он всё равно не услышит её шагов. Противоположная стена дома, выходящая на обрыв, пустовала. Озираясь в сторону реки чуть ли не каждый шаг (ей казалось, что вот-вот из-под обрыва вырастет силуэт большой глупой обезьянки в дутой куртке), Белла прошла до следующего угла и снова повернула в сад. Под ногами за-

чавкала земля, когда она, не глядя, наступила в клумбу. Белла опустила глаза и увидела три далеко расставленных друг от друга свежих глубоких следа рядом со своей увязнувшей ногой. Наконец, крик прорвался:

– Макс! Макс! Это ведь ты? – ослепшая от дождя и слёз женщина вытащила ногу и снова оказалась на твёрдых плитках. Она остановилась и потерла пальцами глаза: пустой сад стало видно чётче.

– К чёрту! – процедила Белла, ощущая, как начинает закипать злоба. Самая приятная трансформация страха. Эти приветы от сраного ублюдка на дне ещё не скоро её оставят. Может, через месяц она уже вернётся на своё любимое место, а пока лучше засыпать со снотворным. Размазывая по вымытым плиткам землю, Белла прошла к той части сада, где вчерашнее веселье должно было сильно раздражать сегодня. Но нет.

Она была готова расплакаться от благодарности, подбирая размокший бумажный стакан. Мусор собрал в единый фокус внимание, приковал её к саду, не позволяя обернуться, пойти к обрыву или к следам на клумбе.

Начиналась новая стадия безумия, накрывшего её утром, когда к сознанию не смогла пробиться одна важная мысль: «Да, кто бы, чёрт возьми, ему поверил!»

Белла смяла стакан и замерла, сделав шаг к мусорному пакету. Чёрный, блестящий от дождя полиэтилен расползся вдоль дорожки, принимая форму того, кто в нём медленно

переворачивался. Когда пять выпуклых точек вырвались наружу серой, распухшей ладонью, Белла не выдержала. Она подбежала к пакету и с силой ударила его сверху ногой. Полиэтилен зашуршал, ступня провалилась в собранные тарелки с прилипшими объедками. Пусто. Значит, и следов не было. Ничего не было. Она постарается в это поверить.

Когда вернулся Макс, Белла, переодетая в тёплый синий халат, сидела в спальне на кровати. С мокрых волос на серый плед, закрывающий колени, стекали капли. Дневная одежда (жалко было только фартук – его подарила мама) уже отправилась на дно мусорного бака вместе с разбитой кофейной чашкой. Сверху она высыпала собранный мусор – намокшие одноразовые тарелки, пустые бутылки и хренову кучу салфеток.

– Милая, привет! С тобой всё в порядке? – Макс сел на край кровати, беря жену за руку. От его холодных ладоней Белле стало не по себе.

«Он же скоро всплывёт...». Женщина поежилась от пробежавшей по телу дрожи и тяжело задышала от вспыхнувшего огнём румянца.

– Я почему-то решила, что убраться можно и под дождём. И, кажется, простыла, милый. Не возражаешь, если сегодня мы ляжем спать чуть раньше?

Белла боялась надолго растягивать этот день и боялась засыпать одна. Поэтому, когда Макс согласился и ушёл на кух-

ню разогреть ужин, она почувствовала, как приближается сон. И, кажется, обещает покой. А утром, может, вернётся беспечность.

Перед тем как отключиться, она увидела качели в окружении луговых цветов. Лёгкое головокружение после приема противовирусного порошка и таблетки снотворного раскочивало её на них.

За ночь болезнь пройдет. А шорох дождя, который будет лить до самого утра, скроет разговор двух мужчин в гостиной. Они оба пьют коньяк, один для того, чтобы согреться, второй, чтобы успокоиться.

– Она меня чуть не заметила! – говорит тот, кто в шутку называет себя «пастухом заблудших жен». Он сидит в кресле, вытянув ноги, чтобы грязные, мокрые штанины ничего не запачкали, – мне жаль, Макс, что всё вот так... и дурака этого жалко. Помянем.

Второй мужчина медленно кивает, продолжая смотреть в экран маленькой камеры, записавшей все движения и звуки этого обычного летнего дня.

Для подготовки обложки издания использованы художественные работы автора.